

Аналитическое задание (70 баллов)

Вариант 1

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Выполните целостный анализ рассказа Алексея Слаповского «Сказки». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): смысл заглавия; значение эпиграфа; система персонажей и способы их характеристики; композиция; речь рассказчика и речь персонажей; хронотоп. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Алексей Слаповский СКАЗКИ

- Тем и хорошо-с, что сам не знаешь чем. Жутко.
- В старину, Машенька, все жутко было.

Иван Бунин. Баллада

У бабушки моей в углу, между шкафом и стеной, висела икона. Когда бабушка приехала к нам жить из деревни, всех вещей было – старый сундук, обитый жестяными полосами, и эта вот икона. Бабушка повесила ее сначала на виду, у окна, но мама попросила спрятать:

- К нам разные люди ходят, мало ли.

Сундук тоже поместился в этом углу, под иконой. Раз в год бабушка открывала его, перебирала вещи. Сильно пахло нафталином. Там были платки, простыни, темно-цветастое платье, черные туфли мягкой кожи, похожие на тапочки.

- Ты ничего этого не носишь, зачем оно? – спрашивал я.
- Приданое.
- Какое приданое?
- На смерть. Отстань, шутоломный.

Время от времени она вставляла перед иконой, кланялась и бормотала.

Я, всегда любопытный до слов, вслушивался и понимал, что бабушка не знает ни одной молитвы, говорит то, что в голову придет:

– Святой Боже, святой-страшный, воскреси, помилуй, Христе славный, мать и сына, во имя веков, святой-страшный, помилуй, хлеб насущный, спаси, помилуй, беду-радость сохрани, пронеси, спаси, святой-страшный, присно ныне, долги мои прости, святой-страшный...

И так далее.

Я, четырнадцатилетний, усмехался и говорил:

- Бабань, новость знаешь? Бога нет!
- Уйди, – отмахивалась она, смущенно улыбаясь: сердиться и злиться не умела. Даже ругалась если на что, то с улыбкой.
- Нет, правда!

– Молчи, дурашный! Клеврещешь на него, вот он тебя накажет. Он все видит, все знает.

– Да? Рентген он, что ли? – умненько допытывался я.

– Сам ты рентген, отстань!

Под праздники – Пасху, Первомай, Октябрьские и Новый год – она доставала из сундука желтую свечку, ставила ее на сундук в чисто вымытую стеклянную баночку из-под майонеза или сметаны – были тогда такие маленькие баночки – и молилась дольше обычного.

А я всегда перед праздниками чувствовал себя печальным и одиноким. Люди готовятся к веселью, к совместным песням, еде и выпивке, а мне в этом чудилось принуждение. Настал день – хоть тресни, а веселись.

Однажды, под Новый год, томясь этим настроением, я подошел к молящейся бабушке. Она тут же перестала:

– Чего тебе?

– Ты говоришь, он все знает. А как это проверить? Где доказательства?

– Да хоть я тебе доказательство. Что живая.

– Это как?

– Отстань.

– Нет уж, расскажи.

Бабушка пошла в кухню, поставила кастрюлю, чтобы что-то варить, налила себе и мне чаю.

И начала:

– Это еще в голода было, до войны. Такой ужасный страшный голод был, что люди людей ели.

– Слышал, сказки. Антисоветская пропаганда.

– Ага, скажи еще, что голода не было.

– Был в Поволжье, я читал. Но чтобы люди людей...

– Ты слушай. Я многодетная была, восьмеро у меня было, не считая, что детством померли, а всего было одиннадцать. Голод, умираем все. И узнаём, что исполком многодетным вспомощение выделил. Крупы, еще чего-то. Нас было две осталось многодетных: я и Мария. Остальные или сами померли, или уже дети у них все полегли. А нас двое многодетных осталось. И, значит, с района телеграмму дали в сельсовет: таким-то явиться за получением, доставки не ждите, вывоз самоходом. Ну и мы пошли в Екатериновку.

– Пешком?

– Пешком, да зимой!

– Туда километров двадцать пять?

– Не считала, много.

– А довести никто не мог? Машин не было? Или лошади?

– Всё при хозяйстве было, кто ж нам даст? Мы начальство, что ли? В общем, пошли мы с ней. Накутали на себя рогожей каких-то, пошли. Идем. Холодно, ветер. Смотрим: кто-то догоняет. Мужик. Не наш какой-то. Чего-то кричит. А Мария, пуганая, говорит: не останавливайся, пошли быстрее. Ну

мы бегом. И он бегом. Мария плачет: это людоед. Я ее утешаю, а сама тоже реву: всё, смерть пришла.

– С чего вы решили, что он людоед?

– А кто еще-то?

– Может, просто хотел с вами пойти. Чтобы веселей.

– Ага, рассказывай! Ну мы бежим. Тут Мария встает, задыхается, за грудь берется. Говорит: всё, не могу, шут с ним. Пусть сожрет, один конец. А он отстал. Тоже ведь слабый с голода. Тужился, а не догнал. Мы отдышались, смотрим: а он опять. И опять чего-то шумит нам. Подманивает. Ну мы опять бежать. А кругом пусто, только Прудовой впереди, поселок такой, а сколько до него, неизвестно. Так и пошло: то бежим, то сил нет – стоим. И он стоит, дышит. Мария говорит: у него на нас двоих опасения, что мы двое. Говорит, ежели я упаду, ты меня не брось. А то он нас поочередке съест, все равно не упасешься. И смех и грех. А Прудового все нету. Мария аж почернела вся, опять говорит: не могу, лягу, пусть ест. И тут машина. А на машине Коля мой, сын. Он в Екатериновке работал тогда и угол там снимал. Я ему: ты как тут? А он: да вот решил съездить. Меня, говорит, как кольнуло, я и поехал. А вы чего? А мы за вспомощением, крупу обещали. Ну он развернулся и повез нас обратно.

– А этот, который за вами шел?

– Пропал куда-то. Коля сигналил ему, нет, никого не видно. Испугался, надо знать.

– Ну допустим. И что?

– Как что? С чего бы Коле ехать к нам? А я скажу: Бог ему шепнул.

– Ерунда.

– Ну, считай, что так. А я тебе говорю: Бог все видит, все знает. Ты вот запрешься у себя, думаешь, спрячешься, а нет, как на ладонке ты у него! – Она засмеялась и погрозила мне пальцем.

Я тоже засмеялся и ушел в свою комнатку.

Осмотрел ее.

В двери щелей нет.

На окнах шторы и тюль. Всегда ли я задергиваю шторы? А через тюль снаружи можно что-то разглядеть? Я вышел на балкон, посмотрел оттуда. Видно плохо, но сейчас вечер и свет не горит. Вернулся в комнату, зажег свет, снова вышел. Теперь всё на виду. Но это вблизи.

Я оделся, спустился на улицу, вглядывался оттуда, отходя все дальше. Оказался у дома напротив. Нет, при всем желании ничего нельзя увидеть.

А если в бинокль?

Но кто будет смотреть в бинокль?

Да мало ли. Подглядел что-нибудь и рассказал бабушке, вот она и грозит мне пальцем. Будто что-то знает.

Скорее всего, ничего она не знает, а только делает вид. Ошибка старших и старых в том, что они считают себя умнее детей. А хитрые дети им поддакивают, соглашаясь, лишь бы отстали.

Утром я пошел в школу. По асфальтовой тропинке мимо дома напротив.

Из подъезда вышел Юрков из параллельного класса. Мы не дружили, у нас были разные компании. Привет-привет, и всё.

Я ему кивнул, он мне кивнул, я пошел себе дальше, он за мной.

А может, подумал я, он и есть тот, кто следит за мной? Недаром же всегда ехидно улыбается. Правда, он со всеми так. Такой характер у человека, такой настрой: на все смотрит с усмешкой, все ему не нравится, вечно на что-то жалуется, но с удовольствием, будто рад, что есть на что пожаловаться. Знаю я таких людей: сами ничего интересного не делают, но любят наблюдать и прохаживаться на чужой счет.

Вот он и наблюдает.

Противно: нет бы обогнать или отстать, идет в трех шагах сзади, сопит, что-то себе под нос бормочет или напевает – такая у него привычка.

Я и потом замечал, как неловко бывает, когда два человека оказываются на улице рядом и идут с одинаковой скоростью. Будто они вместе. Глупо и странно. В таких случаях или прибавляешь шаг, или, наоборот, идешь медленнее.

Юрков шел и шел следом.

Но наконец школа, и через пару уроков я выкинул все это из головы.

А назавтра Юрков опять встретился. И опять шел сзади до самой школы.

А потом еще раз.

По вечерам да и днем я начал плотно задергивать шторы. Пусть теперь смотрит: ничего не разглядит.

И опять он мне встретился с утра. Причем, как нарочно, вышел чуть после, чтобы пристроиться за мной. Совсем обнаглел. Я шел, злился, не выдержал, остановился, повернулся:

– Тебе чего надо?

Он, не понимая, выпучил глаза:

– Чего?

– Это ты чего? Подсматриваешь за мной?

– Когда?

– Я вечером тебя на балконе видел, ты на меня смотрел.

– Офигел? У нас окна в квартире вообще на ту сторону!

– Как это? Сколько у вас комнат?

– Одна! И кухня! И окна туда, а не сюда!

– Ладно, допустим. А из подъезда?

– Чего из подъезда?

Я понял, что он не виноват.

И успокоился.

Хотя... не он же один живет в доме напротив!

Это был, наверное, подростковый психоз. Я постоянно ходил, как бы прогуливаясь, возле дома напротив, вглядываясь во встреченных жителей, пытаюсь угадать, кому до меня может быть дело.

А потом умерла бабушка.

Через год мы переехали в квартиру, окна которой выходили с одной стороны на пустырь, с другой – на высокие деревья, густые и непроглядные даже зимой.

Все решилось само собой.

Вариант 2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Выполните целостный анализ стихотворения Александра Еременко «В густых металлургических лесах» При оценке успешности выполнения задания учитывается владение основами анализа художественного текста, умение видеть художественное произведение как целостное единство элементов. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): своеобразие субъектной организации художественного пространства и времени, соотношение предметного и философского, содержания и формы, роль литературных реминисценций, своеобразие стилизового оформления, особенности стихотворной строки, неожиданные смысловые переходы.

При оценке выполнения задания учитывается владение основами анализа поэтического текста (образный ряд, ритмико-синтаксическое и фонетическое своеобразие), умение характеризовать поэтическую индивидуальность автора, а также умение выражать свои мысли и чувства.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. Оценивается композиционная стройность, язык и стиль вашего анализа.

Александр Ерёменко

В густых металлургических лесах

В густых металлургических лесах,
где шел процесс создания хлорофилла,
сорвался лист. Уж осень наступила
в густых металлургических лесах.

Там до весны завязли в небесах
и бензовоз, и мушка дроздофила.
Их жмет по равнодействующей сила,
они застряли в сплюснутых часах.

Последний филин сломан и распилен
и, кнопкой канцелярскою пришпилен
к осенней ветке книзу головой,

висит и размышляет головой,
зачем в него с такой ужасной силой
вмонтирован бинокль полевой?

Творческое задание (30 баллов)

Прочитайте стихотворения. Представьте себя редактором поэтического сборника. Придумайте название сборнику и его возможным разделам. Составьте оглавление. Какие ещё стихотворения, по Вашему мнению, должны будут войти в этот сборник? (дополните приведенный перечень текстов 5 произведениями). Каким стихотворением Вы бы открыли сборник? Напишите небольшую вступительную статью (150 – 200 слов) к одному из разделов сборника.

С. Есенин

В хате

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

В зале

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала...
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?
Темнее, чем прежде, их лица,—
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сраженье,
И темных окончится власть
Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...
Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

Б. Пастернак

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк моховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.

И опять кольнут доньне

Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но нежданно по портъере
Пробежит сомненья дрожь,-
Тишину шагами меря.
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься из двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то, впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

А. Тарковский

Дом напротив

Ломали старый деревянный дом.
Уехали жильцы со всем добром —

С диванами, кастрюлями, цветами,
Косыми зеркалами и котами.

Старик взглянул на дом с грузовика,
И время подхватило старика,

И все осталось навсегда как было.
Но обнажились между тем стропила,

Забрезжила в проемах без стекла
Сухая пыль, и выступила мгла.

Остались в доме сны, воспоминанья,
Забывтые надежды и желанья.

Сруб разобрали, бревна увезли.
Но ни на шаг от милой им земли

Не отходили призраки бывшего
И про рябину песню пели снова,

На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,

Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили,

И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,

Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,

Пока над ними кран, как буква Г,
Не повернулся на одной ноге.